

**Герман
Ломов**

Дурь

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Герман Ломов

Дурь

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Ломов Г.

Дурь / Г. Ломов — «ЛитРес: Самиздат», 1999

Настоящий рассказ – авторское юмористическое повествование об одном наркотическом трипе. Без морали! Без пропаганды! Просто шуточный реверанс «соответствующим знакомым дополнительно к воспоминаниям о совместной работе над изменённым сознанием» с неожиданным финалом!..Все персонажи рассказа вымышлены, любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. Процесс употребления одурманивающих средств является неразрывной частью сюжета и никоим образом не является пропагандой употребления наркосодержащих веществ!Изображение goganmx с сайта Pixabay. Содержит нецензурную брань.Содержит нецензурную брань.

© Ломов Г., 1999

© ЛитРес: Самиздат, 1999

*Соответствующим знакомым
дополнительно к воспоминаниям
о совместной работе
над измененным сознанием*

Я уже добивал «пятку», когда он влетел в казарму. Еле успел спрятать изменившийся в размерах «костыль».

– Ломов, ты где шляешься? По всей части тебя ищу.

– В казарме сижу, – зачем-то ответил я.

Только здесь, то ли по интонации, то ли по глупости ответа, то ли по запаху он понял причину моего спокойствия.

– Ну, ты даёшь. Последние остатки ума прокурил? Нас комроты вызывает, а он тут ушмался и даже товарища не пригласил. Осталось что-нибудь?

– Так, остатки, – вяло отмахнулся я и передал ему «пятку». – Кури, Славян, и ни в чем себе не отказывай.

– Сука, – он усмехнулся, жадно затянулся, и коротко крикнул, – подъём.

Нашарив в прикроватной тумбе солнцезащитные очки, я нацепил их на нос, и мы вышли во двор.

Огибая одноэтажные казармы, спустя минуты три мы были у конечной цели нашего похода.

– Войдите, – рывкнуло из-за двери на наш стук.

Заглянули. В комнате расположилось всё наше отделение, за исключением меня и Кумарского. Вошли.

– Садитесь.

Комроты указал на два свободных стула. Я присел напротив окна и сквозь очки стал изучать уже набивший оскомину заоконный пейзаж: валуны, пески, кое-где на горизонте – бетонные плиты, напоминающие полусгнившие резцы мертвеца.

– Ну, что, Бельмондо? – оторвал меня от раздумий голос комроты, явно адресованный мне. – Опять глазки – бо-бо. Чего очки-то напялил?

– Товарищ майор, вы же знаете: я вчера на сварке работал.

– Хватит, – оборвал меня комроты. – Знаю я вашу сварку. Весь ваш взвод вчера на сварке прямо уработался, хотя варил один Ломов. У всех глазки одного тона. Вы её себе в глаза наливали, что ли?

– Кого?! Сварку?! – изумился Лузин...

– Лузин, – перебил его комроты. – Что Вы несете?! Своим лепетанием Вы только смешите петуха. А зачем его смешить? Меня смешить не надо...

Это была «фишка» комроты: в запале, переставляя слова в известных поговорках, или заменяя их другими, он нёс порой такую чушь. В общем, иногда заговаривался. Вот и сейчас. Привычные, мы потупили взоры.

– Ладно зубоскалить, – огрызнулся комроты. – Ну, оговорился. Не сварку, конечно, Лузин, не сварку. Но водку. – И назидательно поднял вверх указательный палец правой руки. – Обнаглели! Дембелями себя почувствовали? Ладно ещё, остальные нажрались в хлам. Но вы, ваше-то отделение, вы же на дежурстве.

– Что же нам и выпить теперь нельзя?! – изумился Болотов. – Все пьют, а мы чего?

– Хватит, – оборвал его реплики комроты. – Ваша вина даже не в том, что вы пошли на поводу у антисоциального меньшинства. Хотя могли бы и воздержаться от употребления. А в том, что, будучи ответственными за дисциплину, вы даже не удосужились доложить о том блядстве, что творилось на территории городка.

– Да мы же сами пьяные были! – изумился Кумарский. – Что, пришли бы к Вам уделанные в говно и доложили, что все пьют?! Вы меня, товарищ майор, даже обижаете подобными инсинуациями: мы же – не идиоты!

– А вот от Вас, Кумарский, я такого вообще не ожидал. Вы же командир...

– Вячеслав Викторович меня зовут, – зачем-то ввернул Славян. Видимо, хотел пресечь нравоучения комроты в свой адрес.

– Короче, – отмахнулся майор, – вот и пиздуйте, Вячеслав Викторович, сейчас всем личным составом вверенного Вам подразделения в распоряжение Глазьева. Все ещё помнят, кем у нас числится Глазьев?

– А у него-то что делать? – не понял Болотов. – Камеры перекрасить в оранжевый цвет?

– Сидеть. Специально для тебя, Болотов, поясняю. Сидеть на гауптвахте.

От удивления все аж крикнули.

– Так сегодня же последний день, – опешил Гесс. – Завтра поезд. Уже и билеты. Я же лично...

– А сколько? – поинтересовался рациональный Лузин.

– Сегодня.

– Так это ерунда, – обрадовался Шура. – Я меньше пяти никогда не сидел.

– Лузин, поясняю специально для Вас: только сегодня. Но никаких харчков... Тьфу. Харчей не будет.

– Как это, «не будет»? Нам что с голоду там пухнуть?

– За сутки не опухните...

Глазьев принял нас радушно, даже с некоторым сочувствием. Открыл нам нашу конуру лично, что считалось мерой высшего расположения, и, закрывая, подмигнул:

– Не грустите, отцы. Я вам счастье принесу.

– Тоже мне, аист, – сплюнул злой и нервный Гесс, когда лязгнули засовы.

– Зря ты, – это Дёма. – Он и нары отстегнул. Парились бы сейчас.

– А то не паримся.

– Все-таки на шконках лучше, чем на полу...

Расположились на нарах. Кумарский на правах командира сразу прилег. Тишина. Настроение у всех поганейшее. Разве что у нас с Кумарским немного получше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.